

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
Институт философии
Кафедра социальной философии и философии истории

К. МАРКС И БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ РОССИИ

Коллективная монография
под редакцией заслуженного деятеля науки РФ
доктора философских наук, профессора В. Г. Марахова

Санкт-Петербург
Издательство ВВМ
2016

УДК 101.8

ББК 87.6

К11

К11 **К. Маркс и будущее философии России.** Коллективная монография под редакцией заслуженного деятеля науки РФ доктора философских наук, профессора В. Г. Марахова.— СПб. ^ Издательство ВВМ, 2016.— 216 с.

ISBN 978-5-9651-0973-9

Предлагаемая вниманию научной общественности монография подготовлена по итогам проведенного 30 октября 2015 года в рамках Дней философии в Санкт-Петербурге «К. Маркс и будущее философии Санкт-Петербурга и России». В ней рассмотрены вопросы зарождения, развития марксистской философии, востребованности ее в наши дни и дискуссионные проблемы современной философии. Монография написана коллективом авторов, включающим признанных специалистов, а также практиков и начинающих философов — студентов. Предназначена для всех интересующихся проблемами развития философии в России.

ISBN 978-5-9651-0973-9

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2016

© Авторы, 2016

Всемирно-историческое значение русского марксизма

А. С. Казеннов

«Отступаем (не будем бояться признать это; не страшно отступление, страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины)».

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 48.

1. Достижение самостоятельности и мирового уровня русской философской мыслью

Русская философия до середины XIX века, вполне отвечая на запросы развития России, все-таки не была самостоятельным философским явлением мирового значения. Она светила, как правило, отраженным светом: или немецким, или французским, или английским. Философы эпохи русского Просвещения живо усваивали новые философские веяния в Европе и «просвещали» ими Россию. Поэтому наряду с традиционными православными и мистическими учениями по общественному сознанию время от времени прокатывались волны «вольтерьянства», «кантианства», «шеллингизма», «гегельянства» и других.

Но с 1840-х годов происходит нечто такое, что меняет отношение многих русских интеллигентов к философии вообще и к европейской философии, в частности. А вместе с тем происходит и изменение положения русской философии на арене мировой философии: она в значительной мере вливается в передовую европейскую мысль как активный субъект: актер и автор; из талантливого ученика она превращается в соратника и соратника передовых европейских идейных движений. Почему?

Ответ, одновременно, и прост, и сложен. Прост, потому что уже объяснен В. И. Лениным и другими марксистами. Он сводится к тому, что к началу 1840-х годов в отставших от прогрессивно развивавшейся Англии странах созрели социальные силы, не желавшие мириться с экономической отсталостью, с феодальными политическими пережитками, с клерикальной тупостью, с убогостью духовной жизни и всесилием бюрократизма. Они выражали интересы молодой, прогрессивной в то время, буржуазии и её (а также и народный) протест против устаревшего феодализма. В том числе такие силы возникали и в самом господствующем классе как отрицание феодальных пережитков в самом феодализме, с сохранением, однако, главных устоев феодализма и «самобытности» или, как сейчас говорят «идентичности». Они были стимулированы как внешними (иностранными: французская революция 1789–1794 годов и наполеоновские войны), так и внутренними политическими процессами (восстание декабристов и его разгром в 1825–1826 годах). Наступила другая эпоха. Она породила несколько философских кружков: славянофилов (А. Хомяков, И. Киреевский, К. Аксаков, Ю. Самарин и др.), западников (А. Герцен, В. Белинский, М. Бакунин и др.), либералов (П. Чаадаев, К. Кавелин и др.). Но не все они смогли воспринять интересы народа — трудящейся части населения. И потому многие остались талантливым, национально полезным для культуры и искусства, но только русским философским явлением. Как показало время, дух новой эпохи выражали лишь участники герценовского кружка. Хотя в ней продолжали действовать и представители прежней эпохи.

Собственно, произошло то, что регулярно происходит с философией: смена эпох приводит к смене философии. Как верно заметил Г. Гегель «философия есть также время, постигнутое в мысли»¹. Поэтому обострилась идейная борьба прогрессивных и реакционных течений, групп, кружков, лиц. Эта борьба и явилась движущей силой интереса к экономике, политике и философии. Эти области духа стали публичными.

¹ Гегель Г. Философия права. М.: «Мысль», 1990. С. 55.

А сложен ответ потому, что в России прогрессивные силы, как раз по причине большей отсталости России, были относительно слабее развиты, но бороться им предстояло с более могучим и мотивированным противником — надеждой и опорой реакционной части Европы: с русским самодержавием. Поэтому приходится лишь удивляться: как в глухой тверской деревне «Прямухино» мог вырасти будущий гегельянец, один из основателей мирового анархизма и предводитель восстания в Дрездене (М. А. Бакунин, 1849 год); как можно было в тогдашних российских условиях развиваться по тем же ступеням от Гегеля к Фейербаху, от А. Смита к К. Марксу, что и сверстники в Париже и Берлине?

Однако предпосылки для этого были: во-первых, в России была сильна классическая, созданная Платоном и Аристотелем, традиция философствования, воспринятая от Византии; во-вторых, уже в первом крупном организованном выступлении против монархии мы видим в числе идейных и политических вождей не дюжинных буржуа, как это было в Европе, а представителей высшего сословия — полковников, генералов и князей, готовых к риску головой за интересы общественного прогресса, как они его понимали. Т.е. уже сам господствующий класс еще в 1825 году почувствовал невозможность сосуществования с монархией, по крайней мере — с абсолютной монархией. В-третьих, также и к середине 1840-х на борьбу поднимались не только представители низших классов и разночинцев, но и вполне состоятельные молодые люди господствующего класса, имевшие возможность закончить престижные университеты и даже поучиться и пожить за границей, сделать значительную карьеру. В-четвертых, в жизнь вступили поколения, знакомые с ходом и итогами Великой французской революции; и на Западе, и в России одновременно возникли близкие по духу группы молодых людей, познакомившиеся с духом прогресса. Наконец, и там, и здесь возникла преемственность поколений передовой революционной молодежи, так что А. И. Герцен с Н. П. Огаревым вполне сознательно считали себя последователями дела декабристов также, как в Европе молодежь вдохновлялась геро-

ями Французской революции. Именно эта революционная почва и традиция и привела многих представителей передовой русской молодежи, в том числе из аристократии, в 1840-е годы в Европу, где они в предреволюционной стихии сразу нашли ровесников-единомышленников.

В это время, в 1842–1847 годах, марксизма, как целостного учения, еще не существовало. Но контакты молодых революционеров России и Европы, в том числе с К. Марксом и Ф. Энгельсом, уже были. И были они потому, что те и другие шли примерно от одних теоретических источников к похожим практическим социальным целям. М. Бакунин и А. Герцен, также, как и К. Маркс с Ф. Энгельсом, шли от Г. Гегеля, проштудировав его в 1837–1840 годах. Наверное, они знали и А. Смита, если уж еще раньше английского экономиста читал молодой повеса Евгений Онегин. А в 1842 году М. Бакунин уже публикует в немецком журнале статью «Реакция в Германии», давшую ему известность в демократических кругах Германии, признательность А. Герцена и В. Белинского, заинтересованность К. Маркса и знакомство с ним в 1844 году. В это же время А. Герцен пишет две значительные работы: «Дилетантизм в науке» (1842) и «Письма об изучении природы» (1845). В первой из них он уже осознал ограниченность идеализма Г. Гегеля и вдохновлялся материализмом Л. Фейербаха, а во второй определенно выступает как самостоятельный материалист. Он еще не делает какого-то шага вперед в сравнении с европейскими единомышленниками, но определенно становится вровень с ними. В 1847 году он приезжает в Париж и непосредственно участвует в общественном движении, а вскоре туда приезжает и еще один его друг — В. Г. Белинский. Разочарование в революционном движении 1840-х приводит А. Герцена к идейному кризису и духовной стагнации, а М. Бакунина к анархизму и борьбе с марксизмом, но это уже сфера идейной борьбы на мировом уровне.

И Герцен с Бакуниным не были какими-то одиночками и отщепенцами. За ними на родине продолжалось устойчивое духовное и социальное движение. Например, об одном из таких революцио-

неров — Н. А. Спешнев (1821–1882) — историки философии пишут: «Оказавшись в Европе накануне буржуазной революции..., Спешнев был захвачен ходом событий, сблизился с радикальными кругами и даже принял личное участие в гражданской войне в Швейцарии на стороне либеральных сил. Здесь же, в Европе, он завязывает связи с социалистами различных школ, но особенно увлекается идеями коммунизма в духе Вейтлинга и Дезами... В Россию Спешнев вернулся в 1846 году убежденным коммунистом и материалистом. В этом же году он вошел в кружок Петрашевского»¹. И этот кружок также был весьма достойным и не случайным собранием крупных (в будущем) личностей: его посещали молодые писатели М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. М. Достоевский, поэт А. Н. Плещеев, сын декабриста Н. С. Кашкин, будущий основоположник концепции культурно-исторических типов (цивилизаций) Н. Я. Данилевский, Ап. А. Григорьев и др.². И хотя марксизма как идеологии еще не было, произведения К. Маркса «Нищета философии» и Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» в библиотеке М. В. Буташевича-Петрашевского уже были³.

Поэтому не было вполне случайным, что оказавшийся в Брюсселе (март 1846 года) П. В. Анненков был с первого же свидания приглашен К. Марксом на заседание «Коммунистического корреспондентского комитета», в котором участвовали также Ф. Энгельс, В. Вейтлинг, И. Вейдемейер и другие идеологи и общественные деятели предреволюционной эпохи⁴. Позднее П. В. Анненков состоял в переписке с К. Марксом и оставил интересные воспоминания «Замечательное десятилетие» об этом времени. Как не было случайным и то, что Н. Г. Чернышевский — самый выдающийся русский мыслитель и революционер этого периода — общался

¹ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. История русской философии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. С. 394.

² Там же. 380–381.

³ Там же. С. 384.

⁴ «Союз коммунистов. 1836–1849. Сборник документов. М.: «Мысль», 1977. С. 96, 329.

и поддерживал связи с членами кружка Петрашевского, изучал работы А. Герцена и В. Белинского, труды Г. Гегеля, Л. Фейербаха, А. Смита и Д. Рикардо. В 1854 году он смог написать и защитить магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой стоит вполне на уровне современной ему европейской философской мысли. А став в 1856 году одним из редакторов журнала «Современник», он превратил издание в идейный центр революционной демократии 1860-х годов. Поэтому К. Маркс посчитал необходимым познакомиться с трудами Н. Чернышевского, для чего начал изучать русский язык. Поэтому прав был В. И. Ленин, когда писал, что в своем философском развитии А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский приближались к диалектическому материализму и остановились перед историческим материализмом.

Таким образом, в этот период, по крайней мере, три русских философа получили признание в Европе и вышли на мировой уровень идейной борьбы, включились в процесс мировой общественной мысли. Это М. Бакунин, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. Все они, так или иначе, в той или иной мере, связаны с освободительным движением, причем — с революционной демократией и марксизмом. Позднее на уровень европейской (а, значит, и мировой) философской мысли вышли из этого поколения также Н. Я. Данилевский, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, правда, это была консервативная или, даже, реакционная европейская философская мысль. Гениальные писатели не обязательно являются и гениальными философами.

Борьба демократии против крепостничества, абсолютизма и поповщины вынудила царское правительство проводить крестьянскую реформу. Так что философское и революционное движение в России не только вывело российскую философскую мысль на мировой уровень, но и дало некоторые практические результаты. Правда, русские революционеры и философы, в отличие от европейских, дорого заплатили за эти теоретические и практические результаты: виселицами, каторгами, тюрьмами и ссылками.

Эта часть поколения русских философов 1840–1860-х годов вышла на мировой уровень благодаря тому, что она, как и западные современники, отошла от абстрактного метафизического и религиозного философствования и поставила философию, причем диалектическую и материалистическую философию, в связь с практической жизнью и практическими науками — экономикой и политикой. На этом пути они естественно пришли к Г. Гегелю и Л. Фейербаху, к А. Смиту и Д. Рикардо, к Ш. Фурье, А. Сен-Симону и Р. Оуэну, то есть к тому составу учений, которые В. И. Ленин определил как три теоретические источника марксизма. Этот синтез и сделал реальным выход русской мысли на мировой уровень в качестве самостоятельного современного философского явления. Он же обусловил то, казавшееся Марксу странным, явление, которое сблизило передовое идейное течение Европы с передовым идейным движением отсталой России. Маркс удивлялся, что русские идеологи первыми стали переводить «Капитал» на иностранный язык. «Такова, — пишет он в письме, — ирония судьбы: русские, с которыми я в течении 25 лет непрерывно боролся в своих выступлениях... всегда были моими «благодетелями». В 1843–1844 гг. в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847), а также то, что издал Дункер (1859), нигде не нашло такого большого сбыта, как в России (речь идет о прообразе его «Капитала»: работе «К критике политической экономии» — А. К.). И первой иностранной нацией, которая переводит «Капитал», оказывается русская»¹. Здесь можно отметить, что Маркс и боролся с ними 25 лет потому, что они были на уровне полемики, были достойными оппонентами. А вот уже для Ленина ничего удивительного в популярности Маркса в России не было: и русская буржуазия нуждалась в истинном познании экономики, и революционеры были на уровне идейных проблем эпохи. Отсюда спрос на глубокую теорию, на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 472.

научные знания в России. Хотя главное, конечно, было в том, что марксизм дал истинные ответы на запросы длительного освободительного движения. Поэтому, осмысливая в 1920 году одно из главных условий успеха большевиков в России (а это условие — борьба «на самой прочной базе теории марксизма»), В. И. Ленин писал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

В это время русская философская мысль стала вполне современной и самостоятельной, пришла примерно к тому же состоянию что и европейская в методологии и познании социальных явлений. Но следующий шаг в реальном развитии мировой философии сделали все-таки европейцы, поскольку они отражали более развитые условия общественного бытия — капитализм эпохи рассвета и перехода к эпохе пролетарских революций. И это были К. Маркс и Ф. Энгельс.

2. Возникновение русского марксизма

В 1860-е годы философия в России стала вполне самостоятельным и значительным общественным явлением, с множеством течений и ответвлений в широчайшем спектре от религиозного мистицизма до самого плоского позитивизма. Это определялось интенсивным буржуазным развитием России, как следствием реформ Александра II. И большинство философских концепций были либо феодального (реакционного), либо буржуазного (консервативного) типа. Однако ни эти крайности, ни более умеренные течения, не получили ни широкого признания в интеллигенции и народе, ни в философских и интеллектуальных кругах Запада. А течение, шедшее от революционной демократии к марк-

¹ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. т. 44. С. 8

сизму, усиливалось от поколения к поколению и основательно вошло в прогрессивное движение Европы и успешно взаимодействовало с ним, пока это движение оставалось действительно марксистским и прогрессивным. Поэтому даже буржуазная мысль России пыталась заигрывать с марксизмом или использовать его в своих идейных и политических интересах, по крайней мере, до начала XX века. А некоторые из ведущих буржуазных идеологов (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве), выступавших в молодости в журналах «Новое слово», «Жизнь», «Начало», даже заслужили от Ленина определение-прозвище «легального марксизма».

Однако не они определяли прогрессивное движение мысли. Они отошли на буржуазно-консервативные или, даже, реакционные позиции (С. Булгаков), а потому остались чисто русским историческим явлением. И если вспоминаются на Западе, то, как правило, лишь для критики русского коммунизма и коммунистов. Никакого самостоятельного мирового значения ни они, ни русский позитивизм и фрейдизм не имели, влияния на западную мысль не оказали.

На прогрессивный мировой уровень вышло только философское течение, связанное с освободительным движением и с марксизмом. И именно в силу того, что оно опиралось на философские труды не только западных мыслителей, но и на работы А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и др. Их влияние прослеживается также в интересах и деятельности широкого круга русской интеллигенции следующего поколения — И. И. Мечникова и К. А. Тимирязева, П. А. Кропоткина и Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова и П. Н. Ткачева, Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона, и многих других ученых и общественных деятелей. Это поколение было подготовлено к восприятию, осознанию и переносу на русскую почву (прежде всего — на русский язык) основных произведений марксизма. Оно от теории пошло в практику: включилось в политическую борьбу — в создание политической партии «Земля и воля» (1861 г.), затем «Народная воля»

и «Черный передел». Оно включилось в организацию в 1875 году в Одессе «Южнороссийского союза рабочих» и в 1878 году в Петербурге «Северного союза русских рабочих». И оно оказало существенное влияние на воспитание и образование следующего поколения революционеров. Поэтому не случайно, что в I Интернационале в 1870 году возникла русская секция Интернационала.

Вот на этой богатой основе и родилось первое самостоятельное явление русской марксистской мысли — личность и труды Г. В. Плеханова.

Опираясь на уже довольно сильную философскую материалистическую и диалектическую традицию в России и достаточно широкое общественное движение, русские сторонники марксизма были готовы к восприятию и пропаганде главного труда К. Маркса — «Капитала». Этот труд был издан в сентябре 1867 года на немецком языке в Германии, а уже осенью того же года его читали в России П. В. Ильенков и К. А. Тимирязев. И сразу же в России началась работа по его переводу. Её выполнили несколько человек, подготовленные развитием российской философской мысли к такой миссии. Большую роль сыграли в этом деле Н. Ф. Даниельсон, Г. А. Лопатин, В. И. Засулич и некоторые другие деятели общественного движения в России. Несмотря на серьезные трудности и чисто лингвистического, и научного, и организационного характера, в 1872 году перевод первого тома был завершен. Причем, перевод, по словам самого К. Маркса, «превосходный», «мастерский»¹.

Конечно, сам Г. В. Плеханов был очень образованным философом-марксистом, так что ему не нужен был перевод. Но его деятельность по организации рабочего класса требовала соответствующей литературы на русском языке для растущего слоя политически активной молодежи. А это, помимо созданной им группы «Освобождение труда» (1883 г.), были возникавшие тогда идейно — политические марксистские кружки: под руководством Благоева, Бруснева, Точисского, Федосеева и др. Они нуждались

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 402.

как в комментариях к трудам европейских классиков экономической и философской марксистской мысли, так и в концепциях, объяснявших особенности российской истории и современной политической жизни в России. Кроме того, некоторые проблемы не затрагивались западным марксизмом и классиками (или не были известны в России), но требовали решений для России, как, например, вопросы об общинном владении и о судьбе общины. Поэтому Засулич и Плеханов, отчасти, опирались на работы Герцена и Чернышевского, отчасти советовались с Марксом, а отчасти и сами пытались разработать такие проблемы. В то же время не останавливалась работа по переводу остальных томов «Капитала»: в 1885 году выходит второй том, а в 1896 — и третий том. Таким образом, к этому времени теоретическая основа русской социал-демократии была разработана. И с этого же времени, по словам В. И. Ленина, начинается пролетарский период русского освободительного движения. Это движение, трудами В. Г. Плеханова, В. И. Ленина и других большевиков, становится совершенно вровень с европейским революционным движением, а философская мысль — вровень с европейской философской марксистской мыслью. В марксизме русская философская, экономическая и политическая мысль соединилась с европейской философской и общественно-политической мыслью на мировом уровне. Поэтому Ленин с полным основанием продолжал мысль о марксизме в России, приведенную выше: «...революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»¹. Вот почему марксисты России, вдохновляемые и руководимые В. И. Лениным, смогли не только развить учение Маркса и Энгельса применительно к новой эпохе, эпохе империализма, но и дали образцы стратегии и тактики революционного движения и их реализации в условиях революции и антиимпериалистической борьбы. Советский марксизм в результате осуществления

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 402.

Великой Октябрьской Социалистической революции становится безусловной вершиной марксистской мысли не только в Европе, но и в мире.

3. Советский марксизм — вклад в мировое развитие философии

Но в середине 1890-х годов не только завершается перевод на русский язык всех томов «Капитала» и других важных произведений марксизма, не только начинается новый — пролетарский — этап освободительного движения в России, но и новый этап международной борьбы рабочего класса с буржуазией.

Это время, когда ушли из жизни основатель объединенной Германии и германского империализма О. Бисмарк (1890) и один из основоположников марксизма Ф. Энгельс (1895). Это было время, когда в активную идейную и политическую борьбу включился В.И. Ленин (1893), а также объявился с враждебной марксизму ревизионистской концепцией внутри международной социал-демократии германский социал-демократ Э. Бернштейн (1896).

Первым, кто выступил против Бернштейна с критикой его философских взглядов (в том же журнале «Die Neue Zeit»), был русский марксист Г. Плеханов. В статье «Бернштейн и материализм» он показал философскую несостоятельность методологии ревизиониста, его идеализм и субъективизм, несовместимые с марксизмом. В 1899 году Бернштейн выпустил сборник своих статей с философским, экономическим и политическим обоснованием ревизии марксизма. За это время ревизионизм пустил широкие корни в международной социал-демократии, не получая, фактически, серьезного отпора внутри партий II Интернационала. Европейские марксисты оказались не готовы к борьбе с буржуазной идеологией в своей среде. А вот в России Ленин сразу понял, о чем речь, поскольку уже боролся с подобным явлением еще ранее на русской почве в работе 1895 года «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)». Поэтому теперь

сразу, в том же 1899 году, дал бернштейновскому ревизионизму убедительную характеристику и оценку: «Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — классовую борьбу, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, с пролетариатом, который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества...

И мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? Ровно ничего: они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к прави-

тельствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов.

Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую «критику» Бернштейна, от взглядов которого отrekliсь теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере)»¹.

Дальнейшее развитие социал-демократии и марксизма на Западе показало истинность ленинских оценок и предостережений.

А когда в период Первой мировой войны II Интернационал, не будучи способным решать задачи новой эпохи, развалился, то только В. И. Ленин и русский марксизм дали верные решения стоящих перед марксистами проблем. Это, прежде всего, проблема определения и описания наступившей вместе с войной новой исторической эпохи — эпохи империализма. Европейские марксисты написали много статей и книг об империализме, в том числе весьма талантливых, как «Финансовый капитал» Р. Гильфердинга. Они показали его всеобщий, эксплуататорский, захватнический характер. Но только В. И. Ленин создал стройную цельную теорию империализма, объяснив его сущность и предсказав перспективы, охарактеризовав его как канун социалистической революции и эпоху империалистских войн и пролетарских революций. И мы были и являемся свидетелями истинности определений и оценок, данных сто лет назад В. И. Лениным.

В. И. Ленин создал теорию революции и практически руководил революционным процессом, разработал теорию социалистического государства. К. Маркс и Ф. Энгельс открыли, что всякое государство есть власть (диктатура) одного, господствующего класса. О диктатуре пролетариата они сформулировали лишь несколько, хотя и принципиальных, положений. Ленин же, на основе этих положений, разработал стройную теорию диктатуры пролетариата как сущности социалистического государства. Эта теория и помогла ему вовремя, еще в 1905 году, осознать, а затем развить

¹ Там же. Наша программа. // Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 4. С. 182–183.

и использовать открытую русским рабочим классом адекватную организационную форму этой сущности — Советы. Причем, нигде в мире эта форма не была достигнута в дальнейшем, ни в одной социалистической стране. И в этом была их слабость, также, как отказ от производственной основы Советов у нас в 1936 году, предопределил слабость советского государства в послевоенный период.

Поэтому глубоко правы те исследователи, кто считает, что Октябрьская революция была закономерным историческим явлением, причем неоднократно предсказанным и теоретически подготовленным. Как, например, декан философского факультета СПбГУ профессор Ю.Н. Солонин, который справедливо писал: «...октябрьское восстание, при всех оговорках относительно непредсказуемых факторов, было одним из самых теоретически подготовленных, и ожидаемых событий. Его ход более, чем какие-либо иные сопоставимые события, определялся рациональным расчетом и обоснованным воздействием. Тогдашняя философия и обществоведение в их крупнейших достижениях были использованы в максимально возможной степени. Это важное обстоятельство, которое упускается из виду. (А часто и сознательно скрывается или извращается в угоду антикоммунистическим настроениям начальства. — А. К.). Такovy учения о формах общественного развития: соотношение революций и регулярной поступательности в нем; связь объективного и субъективного элементов, стихийного и планомерно-целесообразного, значение волевого начала в истории и социальной практике и формах его выражения и т. д.»¹.

Ну и конечно, сама реализация коммунистической идеи в революции — это высшая форма синтеза теоретической и практиче-

¹ Солонин Ю.Н. Философский смысл и сущность Октября / Тезисы докладов научной конференции: Октябрьская социалистическая революция: опыт истории. — 5 ноября 1997 года. СПбГУ, 1997. С. 20. Здесь важно подчеркнуть и другую мысль ученого: «...в самом нынешнем обществоведении нет достаточных интеллектуальных средств выразить всю полноту обретенного человечеством социального опыта в результате Октября». Да, если кто работает в угоду, то у него нет. О такой «науке» Ю.Н. Солонин чуть дальше верно говорит, что она «морально несостоятельна».

ской идей¹. Такого не смог никто в мире, кроме Ленина и выпестованной им партии. В этом творчестве новой общественности и новой государственности русский марксизм достигает высшей для начала XX века точки развития и становится духовным образцом и идеалом, который заимствуют не только прогрессивные силы Европы, создавая партии ленинского типа и перенося к себе опыт революции, но и весь мир, в том числе — великий Китай. Очень хорошо это выразил вождь китайской революции Мао Цзедун: «Китайцы обрели марксизм в результате его применения русскими... Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла прогрессивным элементам мира и Китая применить пролетарское мировоззрение для определения судьбы страны и пересмотра своих собственных проблем. Идти по пути русских — таков был вывод... Авангард китайского пролетариата изучил марксизм-ленинизм после Октябрьской революции и создал коммунистическую партию Китая»².

Поэтому прав был И. В. Сталин, когда первым отметил, что ленинизм был не только русским явлением: «... если бы ленинизм являлся только лишь применением марксизма к своеобразной обстановке России, то тогда ленинизм был бы чисто национальным и только национальным, чисто русским и только русским явлением. Между тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское»³.

Если философия когда-нибудь и достигала идеала, который сформулировал Платон: «... человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не за-

¹ См. Гегель Г. Наука логики. М.: «Мысль», 1972. С. 287 и сл. Подробнее см. Казеннов А. С. Диктатура пролетариата: термин, понятие, идея — проблема // «Социализм: от рассвета до рассвета. — Материалы Форума марксистов 25–26 октября 2014 года. Под ред. А. А. Ковалева. М.: ИТРК. 2015.

² Мао Цзедун. О диктатуре народной демократии // Мао Цзедун. Москва: 1949. С. 5–7.

³ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Сталин И. Вопросы ленинизма. Издание девятое, дополнительное. М.: Партийное издательство, 1933. С. 5.

ймут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами»¹, то это было при первых шагах Советского государства. Его создавали широко образованные люди, знавшие по несколько языков, написавшие по несколько книг, десятки статей, в том числе — философских. Они хорошо были хорошо знакомы с жизнью Европы и мира. Но, как показала история, одного поколения в одной стране мало для построения коммунизма во всемирном масштабе. Нужно, во-первых, воспроизводство таких правителей, а во-вторых, соответствующие правительства окружающих государств, или, по крайней мере, их развитой части. История же сложилась так, что новое государство осталось одно во враждебном окружении, а потому на него обрушились все внутренние и иностранные, отнюдь не философские, силы, все фурии старого мира, все предрассудки России и Европы. Так что удивляться приходится не тому, что реакционные силы разрушили Советское общество, а тому, что оно, при такой враждебности окружающего буржуазного мира, продержалось 74 года. Поистине велик был его потенциал, созданный рабочим классом и его первыми вождями!

4. Несостоятельность преумножения успехов марксизма в советское время и цена отхода руководства СССР от основоположений марксизма

С разрушением СССР наступило новое время, а следовательно, необходимо новое постижение времени в мыслях. И, наверное, в новых мыслях. Нужны новые прогнозы и стратегии развития. А откуда их взять новые-то мысли? Они берутся: 1) из запасов старых, испытанных практикой, истин к новым обстоятельствам, 2) открываются в процессе конкретизации старых мыслей с учетом новых обстоятельств, 3) переопределяются за счет отрицания части старого содержания мыслей соответственно отрицанию устаревшего содержания в общественном бытии, 4) творятся в процессе развития практики и выражения её в понятиях (отчасти старых,

¹ Платон. Соч. Т. 3(2). М.: «Мысль».1972. С. 525.

а отчасти новых), 5) наконец, усматриваются в ходе исследования новых процессов и их связи со старыми процессами.

Разрушение СССР — грандиозная всемирно-историческая катастрофа, сравнимая по масштабам лишь с крушением рабовладельческой Римской империи в IV веке, феодальной Византийской империи в XV веке и с крушением буржуазных империй в XX веке. И если в СССР определяющим философским течением был марксизм, то его состояние и роль в том обществе была слишком велика, чтобы выпасть из внимания при исследовании процессов, приведших к такой катастрофе.

Тем не менее, большинство современных философов, и русских, и тем более, зарубежных, или не знают, или делают вид, что не замечают, успехов в развитии марксизма, как мирового явления, в Советском Союзе. Даже в специальных философских исследованиях, посвященных истории русской философии, марксизм часто выпадает из внимания, как будто и не было таких фигур как Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, Э. В. Ильенков, М. А. Лифшиц, Б. М. Кедров, П. В. Копнин и многие другие. Даже автор, поставивший в специальном труде особую цель выделить «те признаки, которые отличают её в ряду других философий, делают её на них непохожей, выделяют из прочих, как нечто своеобразное»¹, не видит такого своеобразия русской философии как марксизм, и обрывает рассмотрение на П. А. Кропоткине и К. Э. Циолковском, не рассматривая даже Плеханова и Ленина. И это издание «Утверждено к печати ученым советом Института философии РАН» (?!), правда, в авторской редакции. Что же тогда называется своеобразием национальной философии? Это, конечно, крайняя степень неуважения и к марксизму, и к русской философии вообще, её обеднение и искажение. Правда, есть и другие, более мягкие варианты такого отношения к марксизму. Например, выделить двух-трех мыслителей, как, например, А. Ф. Лосева, Э. В. Ильенкова или М. А. Лифшица, и противопоставить их «диа-

¹ Сухов А. Д. Русская философия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 3.

мату», «истмату», «официальной идеологии», «государственному марксизму» и т. д. Причем выделяют и противопоставляют марксизму даже таких завязтых марксистов, какими были выдающиеся советские философы Э. В. Ильенков и М. А. Лифшиц. Так что сам Михаил Александрович в сердцах высказался об этой тенденции: «Надоело!»¹. Но суть их одна: русский марксизм — это-де устаревшая философия или даже просто идеология, не имеющая отношения к реальности и значения для современной духовной жизни.

Это глубокое заблуждение. Впрочем, для некоторых это не заблуждение, а сознательная антимарксистская позиция. О том, что марксизм не только имеет четкое понимание реальности, но и способен изменять её к лучшему, говорит вся практика исторического развития человечества в XX веке, признанная во всем мире. И он преобразовал не только философию, но и весь корпус естествознания и гуманитарных наук. Он создал новое, прогрессивное мировоззрение, став методологической основой научного познания. В этой сфере с ним пытается безуспешно соперничать лишь позитивизм попперовского толка. Поэтому, несмотря на современный антикоммунистический пресс, произведения марксизма, в том числе и работы В. И. Ленина, издаются, читаются и изучаются во всем мире все, кто взыскует истины. А истина, как говорил Иисус, «сделает вас свободными». И тут он, видимо, прав, поскольку примерно так говорил и Демокрит, правда, четырьмя веками раньше.

Однако, истина состоит в том, что без уяснения марксизма, его роли в общественном сознании граждан СССР, его значения для руководства страной, невозможно разобраться в истоках разрушения великого общества, где впервые в мировой истории стали заботиться о жизни и развитии рабочих, рядовых трудящихся. Как невозможно, с другой стороны, без опоры на марксизм выработать глубокие стратегии развития экономики, оборонно-промышленного комплекса, человеческого потенциала, научно-технологической сферы в современных условиях. Именно в игнорировании

¹ Лифшиц М. А. Надоело: В защиту обыкновенного марксизма. М.: Искусство-XXI век, 2012. С. 18 и сл.

марксизма состоит причина вялости в разработке стратегии и концепции развития экономики РФ и до 2020, и до 2030 года. И это понимают серьезные исследователи, когда говорят, что за «постсоветские десятилетия, свободные, казалось бы, от идеологического принуждения, в отечественном общественном сознании не появилось ни одной интерпретации истории, которая хотя бы частично могла соревноваться с марксистской интерпретацией»¹.

К счастью, такого рода анализ и разработки стратегий уже начаты². И теперь выясняется, что историческая Россия в форме СССР была разрушена не по причине реализации марксизма, а в результате догматизации и длительного отступления от марксизма послевоенного руководства СССР. В силу забвения или открытого отрицания руководством КПСС его фундаментальных положений, ошибок теоретического и практического характера, повлекших острую конфликтность в партии и государстве и, в конце концов, паралич власти в последние годы существования. Впрочем, некоторые отступления были сделаны не по причине теоретической слабости, а в силу обстоятельств соотношения классовых сил внутри страны и на международной арене: социалистическая революция произошла в одной, причем не самой развитой, стране, и не была в достаточной степени поддержана трудящимися других стран. А сами российские трудящиеся, особенно на селе, были недостаточно подготовлены и организованы для такой грандиозной задачи. Это вызвало некоторые вынужденные отступления от прямого пути обобществления хозяйственной жизни под натиском псевдореволюционной и антиреволюционной стихии. Двумя такими первыми вынужденными отступлениями были слияние фабзавкомов с профсоюзами и отрыв их руководства от

¹ Дудник С. И. Маркс против СССР. Критические интерпретации советского исторического опыта в неомарксизме». СПб.: «Наука», 2013. С. 13.

² См. например: «Модернизация российского общества: реальность и мифы». Отв. редактор д. ф. н. профессор А. В. Воронцов. СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2012. Попов М. В. Социальная диалектика. СПб.: Изд-во политехн. Ун-та, 2014. «Философские стратегии социальных преобразований XXI века». Под редакцией заслуженного деятеля науки РФ д. ф. н. профессора В. Г. Марахова. СПб.: Изд-во СПб-ГУ, 2014.

производственных общин в 1918 году и новая экономическая политика в 1921 году. Но эти уступки позволили сохранить власть на всеобщем (государственном) уровне и достаточно успешно, для российских условий, двигаться вперед: восстановить за девять лет довоенный уровень экономики (1926 год) и подготовить и начать реализацию первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1928 год).

Третье крупное отступление — перевод всей избирательной системы Советов с предприятий на территорию (в Конституции 1936 года) — явилось результатом крупной теоретической и политической ошибки. Отчасти она была обусловлена политической ситуацией: обострением классовой борьбы на почве завершения коллективизации и, таким образом, переходного периода вообще. Но с другой стороны, с констатацией построения коммунизма появилась иллюзия, что теперь не только все производства, но и вообще все вокруг стало советским, общим, а следовательно, потерялся смысл выделять предприятия как основу Советов. И эта иллюзия понятна, особенно у людей, которые положили всю жизнь ради построения такого общества и государства, потеряли в борьбе многих товарищей, родных, здоровье. Однако, как бы то ни было, но Советы в одночасье изменили способ своего формирования, сделав его парламентарным. Этим они отрывались от своей основы: от производства.

Четвертое крупное отступление — это не уступка обстоятельствам, и не ошибка, а сознательный отход от основных положений марксизма: о партии рабочего класса и о государстве рабочего класса — в третьей программе КПСС (1961). Причем осталось неизвестным: кто же автор «выдающегося» «открытия», что коммунистическая партия и советское государство перестали быть формами организации рабочего класса и стали «общенародными»? И что такое общенародное государство вообще? Почему его не наградили хотя бы премией? Не рассказали по радио и в газетах? Получилось, что подбросил кто-то фальшивую идейку, а «Хрущев и К» протащили её в программу партии. Но эта идейка — про-

тивоположность марксистской идее диктатуры пролетариата, её прямое отрицание. Этого одного достаточно для идеологического обеспечения разрушения государства и общественного строя. Так что непонятно, как политбюро и центральный комитет, профессора и академики могли пропустить такое? Видимо, за семь-восемь лет хрущевского волюнтаризма привыкли некритически воспринимать отсебятину начальства.

Ну а когда Андропов на серьезном форуме заявил, что «мы не знаем общества, в котором живем», то это было...

Сначала это показалось искренним полураскаянием человека, который не может пока решить всех проблем, но очень хочет; сейчас-де он подучит немножко, нас научит, тогда все решим и все наладится. Но по итогам его правления, по выбранным им помощникам и назначенным им преемникам стало понятно: он хорошо знал общество, но представлял в нем уже не сторону народа, трудящихся, а другую, противоположную сторону, сторону обуржуазившейся части бюрократии. А народ и интеллигенцию он программировал в духе Хрущева: дескать, даже я не знаю общества, а уж вы и подавно, так что сидите и помалкивайте. И мы, доценты, профессора и академики, помалкивали, публично не выступали против этой несурзаицы. Но это не значит, что мы тоже не знали и не понимали общества, не видели, что происходит. И если бы Юрий Владимирович обратился к ученым, ему бы объяснили общество и сказали, что можно и нужно сделать по-марксистски. После его смерти только в Ленинграде десятки ученых-марксистов быстро осознали безнадежность руководства и выступили против курса под названием «перестройка». Однако было уже поздно: разрушение прошло точку невозврата. «Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» — как верно заметил Г. Гегель¹.

Но честь марксизма была сохранена целым рядом выдающихся экономистов, политологов, историков и философов, критиковавших курс Горбачева и Ельцина с марксистско-ленинских

¹ Гегель Г. Философия права. М.: «Мысль», 1990. С. 56.

позиций. Как показала практика — они были правы. А курс Горбачева-Ельцина — антимарксистский и поэтому разрушительный для партии, для государства, для общества, для страны и, в конце концов, для самих предателей коммунистической партии, марксизма и коммунизма.

5. Будущее марксизма

Так обстоят дела потому, что учение марксизма — это не придумка, не изобретение, не субъективная фантазия, а научная теория и методология, базирующаяся на развитии науки и снимающая в себе высшие научные и философские достижения человечества. Она отражает не только бытие, сущее, но и сущность общественных процессов, устойчивое в них. Поэтому знает, кроме «временни» и «временного», также вековое и вечное. Г. Гегель, как сказано ранее, говорил о философии как выраженном в мыслях времени. И это верно. Но верно и то, что «философия как занимающаяся истинным имеет дело с тем, что вечно наличествует»¹. А можно соединить эти мысли вместе так: философия изучает вечное и вневременное во временном, всеобщее в единичном. Прошла эпоха империализма? — Нет. Прошла эпоха капитализма? — Нет, поскольку империализм — это высшая фаза капитализма. Поэтому, то содержание, которое открыл марксизм для эпохи капитализма, в главном верно и для эпохи империализма, с тем, однако, дополнением, которое привнесено современным видоизменением капитализма, превратившим его в империализм. Впрочем «наше время» показывает и еще одно видоизменение капитализма-империализма: он стал субординированным империализмом, т. е. регулируемым из одного центра с постепенной утратой суверенитета бывших европейских империй. Но таким образом возникает одна сверхимперия, противостоящая всему миру как угроза самостоятельности всех государств, как бревно на пути общественного прогресса. Она сознает это свое положение единственной империи, признает «создание однополярного мира — мира одной

¹ Гегель Г. Философия истории. СПб.: «Наука», 2000. С. 125.

сверхдержавы»¹. И она, с одной стороны, стремится управлять миром, с другой стороны — не может этого осуществлять присущими ей в прошлом и декларируемыми ныне принципами: демократическими. Новое положение государства вынуждает его изменять своей природе и возвращаться к рабовладельческой природе империй с их принципом: *divide et impera*, к политике террора. Вот в чем многолетний источник международных конфликтов и гражданских войн, сотрясающих мир в последние десятилетия. Один из идеологов единственной сверхдержавы, понимая проблему, предупреждает своих правителей: «Основная дилемма Америки в век глобализации состоит в том, чтобы определить верный баланс между суверенной гегемонией и нарождающимся мировым сообществом (зависимых от неё стран — А. К.) и найти пути разрешения опасного противоречия между демократическими ценностями и обязанностями глобальной державы»². Но человечество имеет опыт того, как решали подобную дилемму старые империи, когда рядом были опасные соперники: они под страхом поражения в войне отбрасывали «демократические ценности» и переходили к открытой террористической диктатуре. А уж в наше время, когда нет устрашающих конкурентов, буржуазные демократические ценности будут отодвинуты в сторону при ближайшей необходимости по мнению «суверенного гегемона». Вот конец истории либерализма.

Поэтому сохраняет и будет в дальнейшем сохранять свое полное значение марксизм-ленинизм как единственное подлинно демократическое учение, разъясняющее трудящимся их экономические интересы, организационные и политические способности и пути реализации своих интересов и способностей. Знают ли

¹ Збигнев Бжезинский, Brent Scowcroft. Америка и мир: беседы о будущем американской внешней политики. М.: «АСТ», 2013. С. 24, 26. Противореча себе, З. Бжезинский говорит также об этом времени как о «постимперской эпохе». Но это только доказывает, что, по их мысли, нет других империй, осталась одна сверхдержава, а у неё есть «имперский статус» (Там же).

² Збигнев Бжезинский. Выбор. // Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2015. С. 418.

правители других стран марксизм-ленинизм, или не знают, уважают коммунизм или не уважают, но силой вот этого разделения мира на «суверенного гегемона» и «остальных» они вынуждены будут объединяться вокруг тех политических сил, партий, обществ и государств, которые могут противостоять мировой империи, которые могут защитить от судьбы Югославии и Ливии, Ирака и Сирии, Афганистана и др. Пока такой страной остается Китайская народная республика, построенная при идейной опоре на марксизм-ленинизм. И пока она руководствуется марксизмом, она будет успешно развиваться сама и помогать развиваться дружественным странам.

Поэтому и для России установкой на будущее может быть только марксизм как учение, которое выражает интересы общественного прогресса, которое доказало эффективность в реализации этих интересов и способность сплачивать на основе этих интересов не только отдельных людей, но народы, и партии, и государства, и союзы государств.

Это сознают и серьезные экономисты-теоретики Запада. Так известный современный исследователь мировой экономики И. Валлерстайн пишет: «Марксизм это не собрание сочинений Маркса, а множество теорий»¹. К этому можно добавить, что марксизм это не только множество теорий многих наук, но и мировое практическое идейное-политическое движение, в котором выдающуюся роль продолжают играть философы России.

В то же время, в последние годы ястребы «мирового гегемона» пугаются своего собственного нового положения, поскольку натываются на растущую всемирную ненависть приниженных народов и государств, с ужасом смотрят на «угасающий Запад»².

Поэтому за марксистской философией — будущее.

¹ Валлерстайн И. После либерализма. М.: «Едиториал», 2003. С. 204.

² Збигнев Бжезинский. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015. С. 11; 285–286.

Содержание

Предисловие	3
Часть 1. МАРКСИЗМ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	5
С чего начинается философия? <i>А. М. Иваков, В. Г. Марахов.</i>	7
Актуальность Маркса сегодня <i>С. И. Дудник, Ю. В. Перов.</i>	13
Всемирно-историческое значение русского марксизма <i>А. С. Казеннов</i>	25
Воплощение марксизма в России <i>М. В. Попов.</i>	50
Постсоветский марксизм: идейное своеобразие и перспективы развития <i>С. И. Дудник</i>	62
Философия марксизма в современном обществе <i>Д. В. Колотухин</i>	76
Часть 2. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ	85
Предпосылки рождения идеи «гражданского общества» в ранних утопиях древнегреческих мыслителей <i>В. П. Львович</i>	87
Адам Фергюссон как автор «Опыта истории гражданского общества» <i>В. П. Львович</i>	92
Формирование научного содержания категории «гражданское общество» <i>В. П. Львович</i>	106
Эволюционный механизм действия источников и движущих сил гражданского общества в сфере финансовой и экономической компоненты XXI века <i>О. А. Малафеев, В. Г. Марахов</i>	112
Правовые и религиозные основы цивилизации <i>Е. К. Краснухина</i>	136

Народный Фронт и Гражданское общество как система форсированного становления общества социальной справедливости, свободы и безопасности в России начала третьего тысячелетия <i>В. Г. Марахов, Г. А. Мохоров, К. Жирков</i>	148
Пралогические формы мышления в современности (позитивизм как сказка, постмодернизм как миф) <i>В. В. Тен</i>	155
Проблема асимметрии противоположностей в движущихся противоречиях действительности <i>С. В. Бусов, М. Р. Зобова, А. Ф. Родюков</i>	181
Социально-философские стратегии спасения Планеты Земля <i>В. Г. Марахов, Г. Сомов, Д. В. Колотухин</i>	198
Авторский коллектив	212
Авторский индекс	213